

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

Современный Запад в
религиозно-нравственном отношении

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1885. № 9-10. С. 450-489.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010*

Современный Западъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи

(Публичныя лекціи, читанныя минувшимъ великимъ постомъ въ «Обществѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви» въ пользу недостаточныхъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи).

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Западное христіанство. — Происхожденіе вѣроисповѣдныхъ формъ. — Римскій католицизмъ и протестантизмъ въ ихъ существенномъ отличіи отъ православія. — Одностороннее воспріятіе ими истины христіанства. — Отношеніе ихъ къ наукѣ и государству. — Культурная борьба въ современныхъ государствахъ. — Возрожденіе язычества на почвѣ современной культуры. — Замѣна христіанскаго воспитанія гражданскимъ. — Нравственное одряхлѣніе современнаго общества. — Возрастаніе преступленій. — Анархія въ мысли и жизни. —
Плоды нашего рабства западной культурѣ.

I.

Западъ представляетъ собою совершенно особый міръ, живетъ особыми началами, особымъ міросозерцаніемъ, и, не смотря на огромное вліяніе, которое онъ оказываетъ на нашу умственную жизнь, собственно въ религіозно-нравственномъ отношеніи такъ мало извѣстенъ намъ, что мы до сихъ поръ не знаемъ хорошенько, какъ смотрѣть на многія выдающіяся явленія въ его жизни — съ сочувствіемъ или отрицаніемъ, быть-ли намъ въ этомъ отношеніи западниками, или славянофилами, какъ опредѣляется это отношеніе въ нашихъ научно-литературныхъ и пожалуй политическихъ сферахъ, или занять какую-либо совершенно независимую точку зрѣнія. Нужно признаться, что наша богословская мысль, а за ней и общественная, еще не выработала опредѣленной такъ сказать

программы въ этомъ отношеніи, и въ нашей литературѣ до сихъ поръ замѣчается колебаніе, которое ведетъ къ періодическимъ увлеченіямъ то въ одну, то въ другую сторону. Мы конечно ясно сознаемъ свою особность отъ западнаго міра, настойчиво утверждаемъ свою православную самобытность, но это только въ общихъ чертахъ, когда дѣло идетъ обо всемъ западѣ. Коль скоро же намъ приходится опредѣлять наше положеніе точнѣе въ отношеніи къ двумъ началамъ религіознаго міросозерцанія на западѣ, то есть приходится опредѣлить, въ какое отношеніе мы должны стать къ римскому католицизму и протестантизму, то наша мысль начинаетъ колебаться, и исторія развитія нашей богословской мысли показываетъ, что мы не выработали въ этомъ отношеніи той самобытности и независимости, которая теоретически считается нами присущею православію. Извѣстно, что въ нашей богословской мысли постоянно проходятъ два теченія, которыя изъ русла православія заходятъ иногда даже въ предѣлы инославнаго міросозерцанія, и притомъ одно окрашивается протестантизмомъ, другое рим. католицизмомъ. Явленіе это не новое. Оно ярко выразилось еще въ то время, когда великій царь-преобразователь впервые сблизилъ насъ въ общественномъ и политическомъ отношеніи съ западомъ. Два его великихъ сподвижника Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій выступили представителями этихъ двухъ направленій, и если въ сочиненіяхъ перваго ясно обрисовывается тенденція въ направленіи протестантской мысли, то „Камень вѣры“ втораго рѣзко отдаетъ духомъ рим. католицизма. Съ того времени эта раздвоенность постоянно давала о себѣ знать прежде всего въ области богословской мысли конечно, но она въ то же время сказывалась и не перестаетъ сказываться и во всей нашей общественной жизни и мысли. Наша мысль, не выработавъ для себя точнаго критерія для опредѣленія сущности православнаго міросозерцанія, постоянно поддавалась то тому, то другому вліянію, смотря по наличнымъ историческимъ условіямъ даннаго времени, и то впадала напр. въ тонъ римскаго церковнаго самовластія, то увлекалась чисто про-

тестантскимъ мистицизмомъ. Даже въ настоящее время можно указать на слѣды этой раздвоенности богословской мысли и притомъ въ лучшихъ представителяхъ нашей самобытной мысли. Извѣстно, что одинъ изъ нашихъ философствующихъ мыслителей дышетъ воздухомъ рим. католицизма, который предносится его взгляду, какъ конечный и неизбѣжный моментъ въ развитіи христіанства, а другой—знаменитый писатель—витааетъ въ области туманнаго піэтизма, который также чуждъ сущности нашего вѣроисповѣднаго начала. Эти лица служатъ, такъ сказать, типическими выразителями цѣлыхъ направленій, которыя даютъ тонъ нашей общественной и умственной жизни, и, смотря по тому, какое изъ нихъ преобладаетъ въ данное время, такой тонъ получаетъ и вся наша жизнь. Явленіе это нельзя назвать нормальнымъ. Имъ объясняется та неустойчивость, которою къ сожалѣнію отличается наша жизнь, въ которой скоро, кажется, не будетъ совсѣмъ преданій, составляющихъ естественную скрѣпу цѣльнаго, здороваго и исторически развивающагося народнаго организма. Все это несомнѣнно зависитъ отъ того, что мы не твердо стоимъ въ своемъ православномъ міросозерцаніи и поддаемся чуждымъ вліяніямъ, которыя нарушаютъ правильное развитіе нашей жизни, хотя послѣдняя имѣетъ такой руководственный свѣточъ, котораго лишился западный міръ. Въ настоящихъ чтеніяхъ мы имѣемъ предложить нѣсколько мыслей касательно того, что западный міръ съ своимъ инославнымъ міросозерцаніемъ не только не можетъ служить для насъ образцомъ въ своихъ существенныхъ началахъ, но что онъ самъ при послѣдовательномъ проведеніи этихъ началъ въ жизни все болѣе и роковымъ образомъ приходитъ къ сознанію той истины, что начала эти несостоятельны и рано или поздно онъ долженъ будетъ искать иныхъ началъ мысли и жизни.

Чтобы яснѣе понять современную религіозно-нравственную жизнь западнаго міра и тѣ начала, которыя лежатъ въ ея основѣ, мы считаемъ необходимымъ представить историческій очеркъ, въ которомъ вкраткѣ прослѣдимъ, откуда вышли эти начала, какъ они

образовались и не лежит ли въ самой сущности церковно-религіозныхъ началъ запада задатковъ ихъ внутренней несостоятельности.

Тутъ прежде всего представляется намъ капитальный вопросъ, какъ произошелъ тотъ несомнѣнно печальный фактъ, что христіанскій міръ, поклоняющійся одному и тому же Богу, одному Спасителю человѣчества, признающій одно и то же Писаніе источникомъ всего своего духовнаго міросозерпанія и руководствомъ всей своей нравственной жизни, оказывается не единымъ общечеловѣческимъ братствомъ, скрѣпленнымъ общечеловѣческою любовію, а подѣленъ на партіи, и притомъ подѣленъ такими крѣпкими средотѣніями, что ихъ не въ силахъ побороть вѣковыя молитвы церкви? Извѣстно, что вѣроисповѣдное раздѣленіе глубже всякаго племеннаго и политическаго. Народы и государства враждуютъ между собой и мирятся, но религіи и вѣроисповѣданія не знаютъ мира, пока въ нихъ теплится хоть искра внутренней жизни. Это конечно объясняется величиной и жизненностью затрогиваемыхъ интересовъ, такъ какъ въ религіозныхъ вопросахъ дѣло идетъ не о временныхъ какихъ нибудь выгодахъ, какъ въ вопросахъ общественныхъ и политическихъ, а о самой вѣчности! И вотъ тѣмъ болѣе становится страннымъ, что такого раздѣленія не чужда и та религія, которая по идеѣ своей должна бы объединять и въ которой вопросъ о вѣчности въ сущности разрѣшенъ одинаково для всѣхъ.

При настоящемъ состояніи сравнительно-богословской науки вопросъ этотъ однако же не представляется уже такъ страннымъ, какъ это было прежде. Теперь уже съ достаточною полнотою выяснены причины, которыя повели къ раздѣленію, и эти причины частью историческаго, частью философскаго характера, и во всякомъ случаѣ въ фактъ раздѣленія христіанскаго міра на враждебныя партіи мы видимъ не только злую волю человѣка, но и дѣйствіе особыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ почти съ неизбѣжною историческою необходимостью.

Въ развитіи христіанства наблюдается дѣйствіе того общаго историческаго закона, по которому извѣстная идея при своемъ практическомъ осуществленіи по необходимости облекается въ готовые бытовья формы и въ самой сущности своей необходимо воспринимается неодинаково, смотря по тому или иному умственному складу среды. Тоже самое было и съ христіанствомъ. Божественный основатель его пришелъ въ міръ, который подѣленъ былъ на различныя группы, отличавшіяся между собой въ религіозномъ, этнографическомъ, политическомъ и умственномъ отношеніяхъ. Раздѣленіе это было тѣмъ рѣзче, что поддерживалось эгоизмомъ, бывшимъ основнымъ началомъ жизни древняго міра, который не зналъ другихъ законовъ, кромѣ законовъ беспощадной борьбы за существованіе. Чтобы искупить міръ отъ рабства этому грѣховному эгоизму, Христось основалъ царство любви, противопоставилъ принципу раздѣленія принципъ единства. Христіанская церковь по своей идеѣ должна была разрушить всѣ средостѣнія между народами и классами, воздвигнутыя эгоизмомъ, и объединить все человѣчество въ одно братское общество съ девизомъ самоотверженной любви,—общество, въ которомъ не должно быть ни эллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго, но всѣ должны быть братьями во Христѣ. Но эта возвышенная идея, лишь только соприкоснулась съ грубою дѣйствительностью, должна была по необходимости потерпѣть ограниченіе. Древній міръ былъ слишкомъ закоснѣвшимъ въ своихъ началахъ эгоизма, чтобы всецѣло уступить началу самоотверженной любви. Онъ враждебно отнесся къ новой идеѣ и усиливался даже совершенно убить ее, воздвигнувъ страшныя гоненія противъ нея; но когда тѣмъ не менѣе она восторжествовала, онъ пассивнымъ противодѣйствіемъ лишилъ ее первоначальной свѣжести и чистоты. Когда церковь дѣйствительно побѣдила древній міръ и приступила къ своей великой миссіи воплощенія новыхъ началъ въ жизни человѣчества, то въ самомъ воспріятіи этихъ началъ должно было обнаружиться различіе вслѣдствіе того именно, что самый умственный складъ древняго человѣ-

чества въ его отдѣльныхъ частяхъ былъ неодинаковъ. Древній міръ рѣзко распадался на двѣ половины, которыя въ географическомъ отношеніи были востокомъ и западомъ, а въ этнографическомъ обозначались именемъ преобладавшихъ въ нихъ народностей— греческой и латинской. Историческая жизнь, міросозерцаніе и культура этихъ народностей были различны до противоположности. Эллинскій востокъ былъ областью духа. Тутъ преобладала въ историческомъ развитіи мирная работа культурнаго генія, ставились и рѣшались высочайшіе вопросы бытія, вырабатывались формы гармоническаго отношенія между идеей и дѣйствительностью, между личностью и государствомъ. Латинскій западъ напротивъ былъ областью практическаго смысла. Грубый умъ римскаго народа былъ чуждъ возвышенныхъ идей эллинизма, обыденная практическая жизнь для него была дороже высреннихъ философовъ; его цѣняло лишь обаяніе власти, и онъ находилъ удовлетвореніе только въ идеѣ всемірнаго владычества, хотя бы достигаемаго желѣзомъ и кровію.

*Tu regere imperio populos, Romane, memento,
Haec tibi erunt artes* ¹⁾,

какъ вдохновенно выразилъ этотъ національный духъ римскій поэтъ Виргилій. Понятно, что одна и таже идея христіанства должна была неодинаково привиться и развиваться на почвѣ этихъ противоположныхъ міровъ. И дѣйствительно на востокъ идея христіанства получила совершенно отличное направленіе отъ того, которое она получила на западъ. Найдя на востокъ болѣе сродную почву, христіанство съ легкостью воплотилось въ формы культурной жизни эллинскаго міра; его богатыми, логически выработанными формами философскаго мышленія церковь воспользовалась для выраженія глубочайшихъ идей богословія, и самый политическій типъ независимости отдѣльныхъ общественныхъ единицъ легъ въ основу административнаго строя церкви, доселѣ сохраняющагося въ

¹⁾ Помни, римлянинъ, что властвовать надъ народами —
Вотъ твоя наука!

видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ патріархій. Съ другой стороны грубый практическій разумъ латинскаго запада самую идею христіанства воспринялъ лишь съ доступной ему внѣшней, практической стороны. Въ христіанствѣ^его илѣнила не высочайшая идея богочеловѣчества, на уясненіе которой востокъ употребилъ всю силу своего умозрительнаго генія, а односторонне понята идея единства, въ которой онъ увидѣлъ новый поводъ къ домогательству всемірнаго владычества. Это римское пониманіе идеи христіанства создало систему панства, которое по своей сущности есть продолженіе завоевательной системы древняго Рима въ его христіанизированной формѣ. Если бы нужно было проводить параллель между этими двумя системами, то она *mutatis mutandis* представила бы цѣльную картину естественнаго перехода традицій римской политики къ панству и въ христіанскомъ Римѣ обнаружила бы преобладаніе началъ, которыми жилъ и руководился древній языческій Римъ.

Ясно, что въ такомъ противоположномъ воспріятіи идеи христіанства уже лежалъ залогъ различія. Но различіе не есть еще зло. Напротивъ оно есть необходимый элементъ здороваго историческаго развитія. Христіанство явилось какъ всемірная религія, но это не значило, что оно должно было обезличить всѣ народы, лишить ихъ національной и культурной самобытности. Напротивъ вселенскій характеръ его въ томъ по преимуществу и выражается, что оно, обнимая все человѣчество, способно сочетаться съ индивидуальной, такъ сказать, душой каждаго народа и, не подавляя, а напротивъ возрождая и обновляя^е духовныя силы народа, посредствомъ этихъ естественныхъ силъ возводитъ каждый народъ къ всечеловѣческому совершенству. Такъ понялъ эту вселенскость эллинскій востокъ, на которомъ христіанство гармонически уживалось съ условіями національной самобытности. Въ этомъ отношеніи христіанство тамъ распространялось совершенно такъ же, какъ и эллинская культура. Ко времени рождества Христова она, какъ извѣстно, завоевала весь міръ, но завоевала не съ цѣлію угнетенія

покоренныхъ народовъ, но съ цѣлю дать естественнымъ и собственнымъ силамъ этихъ народовъ возможность легче сбросить съ себя иго варварства и успѣшнѣе развиваться въ направленіи къ достиженію истинно человѣческой жизни. На римскомъ западѣ напротивъ вселенскость христіанства была понята въ смыслѣ древней римской системы, требовавшей безусловнаго подчиненія центру, отрицавшей право національной самобытности и стремившейся всё національныя и культурныя особенности вытѣснить римскими. При такомъ состояніи вещей различіе не могло остановиться на степеняхъ законнаго историческаго развитія, оно должно было повести за собой раздѣленіе. Въ самомъ дѣлѣ между греческимъ востокомъ и латинскимъ западомъ уже существовала, какъ мы видѣли, внутренняя рознь, которая обострялась еще болѣе вслѣдствіе того, что первый былъ политическимъ рабомъ послѣдняго. Христіанство въ первые вѣка своего историческаго существованія, когда еще идея всечеловѣческаго братства не успѣла потускнѣть отъ соприкосновенія съ интересами грубой дѣйствительности, значительно сгладило эту рознь; но когда въ христіанскомъ Римѣ, благодаря извѣстнымъ историческимъ обстоятельствамъ, снова воскресъ духъ властолюбія, воплотившись въ системѣ папства, то этотъ духъ не могъ не затронуть исторически наболѣвшаго чувства національной гордости въ греческомъ народѣ, и онъ энергически возсталъ противъ властолюбивыхъ притязаній западнаго папства. Чѣмъ болѣе на сторонѣ востока было сознанія правоты въ защитѣ автономіи отдѣльныхъ христіанскихъ церквей и чѣмъ сильнѣе со стороны запада было стремленіе подчинить всё національныя церкви римскому престолу, тѣмъ скорѣе и естественнѣе должно было настать полное раздѣленіе между ними. И оно не замедлило совершиться, давъ новое направленіе всей жизни христіанскаго міра.

Раздѣленіе, какъ видно, совершилось вслѣдствіе столкновенія противоположныхъ началъ и оно конечно могло имѣть своимъ слѣдствіемъ только то, что въ каждой изъ раздѣлившихся половинокъ должно было получить полное осуществленіе то начало, которое

не признано было противоположной стороной. Православный востокъ остался при своихъ вселенскихъ началахъ, выработанныхъ вселенскими соборами, и въ сущности прекратилъ свое дальнѣйшее развитіе, ожидая болѣе благопріятнаго времени, когда для выраженія вселенской мысли станетъ возможнымъ опять единодушный голосъ всего христіанскаго міра. Латинскій западъ напротивъ, отдѣлившись отъ вселенскаго востока, какъ источника вселенскаго преданія, перенесъ на себя самого тотъ авторитетъ, который принадлежалъ только всей нераздѣленной церкви. Но будучи только частью, живя только своимъ частнымъ началомъ, во имя котораго онъ отдѣлился отъ вселенской церкви, онъ получилъ весьма естественную тенденцію считать свое частное начало вселенскимъ, своимъ частнымъ опредѣленіемъ придавать вселенскій характеръ. Вотъ въ этомъ и заключается роковой грѣхъ римскаго католицизма, — именно въ томъ, что онъ, отвергнувъ вселенское преданіе, поставилъ вмѣсто его свое частное областное преданіе, образовавшееся на почвѣ мѣстной римской жизни, и сталъ считать его обязательнымъ для всего христіанскаго міра, хотя оно, какъ мѣстное явленіе, должно бы имѣть только мѣстное значеніе, подобно тому напр. какъ мѣстный законъ, вызванный потребностями мѣстной жизни, только и можетъ быть примѣнимъ въ предѣлахъ этой жизни.

Не смотря на незаконность и противорѣчіе притязаній Рима, вселенскому преданію имъ, вслѣдствіе благопріятно сложившихся историческихъ обстоятельствъ, удалось временно достигнуть блестящаго развитія. Въ короткое время Римъ успѣлъ подчинить своему самовластию весь западъ, такъ какъ послѣдній, будучи только что обращенъ въ христіанство, не имѣлъ въ себѣ достаточнаго сознанія тѣхъ вселенскихъ началъ, которыя стояли въ противорѣчій съ папскими притязаніями. На развалинахъ языческаго императорскаго Рима, какъ фениксъ изъ пепла, возникъ новый папскій Римъ, который сумѣлъ воспользоваться обаяніемъ древняго и утвердилъ свое владычество надъ всѣмъ западомъ. Всѣ западные народы, подчинявшіеся прежде римскому императору, теперь должны были подчиняться римскому

папѣ, и какъ римскіе императоры посылали свои легіоны для завоеванія независимыхъ и смиренія непокорныхъ, такъ римскіе папы стали посылать легіоны своихъ монашескихъ орденовъ для завоеванія и подчиненія независимыхъ отъ себя народовъ и создали особую армію изъ священниковъ, которые, какъ несемейные, не будучи связаны съ народами, стали служить послушнымъ орудіемъ въ рукахъ папской политики. И вотъ образовалась новая римская имперія — имперія папъ. Но если древняя римская имперія покоряла себѣ народы только съ внѣшней стороны, довольствовалась признаніемъ императора и уплатой извѣстныхъ налоговъ съ предоставленіемъ значительной независимости во внутренней жизни, то новая духовная имперія напротивъ наложила свое иго именно на духовную жизнь народовъ. Она не ограничивалась внѣшнимъ ихъ подчиненіемъ, а хотѣла у каждаго изъ нихъ взять его собственную душу, чтобы вмѣсто національной души вложить одну и ту же душу римскую. Для этой цѣли она отняла у народовъ даже ихъ собственный родной языкъ, заставивъ ихъ выражать свои религиозныя чувства на чуждомъ имъ латинскомъ языкѣ (при богослуженіи), лишила ихъ возможности читать св. Писаніе на своемъ родномъ языкѣ, давъ имъ латинскую вульгату, лишила ихъ свободы не только въ области самоуправленія, но и въ области внутренней жизни духа, опутавъ каждую личную совѣсть сѣтями исповѣди, ставшей орудіемъ нравственнаго давленія на народы въ интересахъ поддержанія системы папскаго самовластія. Всѣ эти мѣры служатъ логическимъ и неизбѣжнымъ выводомъ изъ факта отпаденія латинскаго запада отъ вселенскаго христіанства. Отвергнувъ послѣднее и поставивъ на мѣсто его свое собственное мѣстное христіанство, далеко не имѣющее широты и общечеловѣчности перваго, Римъ естественно долженъ былъ прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ и мѣрамъ для поддержанія своей власти, долженъ былъ подавлять свободное развитіе народной жизни, подобно тому какъ въ политической жизни деспотъ, не чувствуя за собой законныхъ правъ на владычество, усиливается поддержать его сомнительной

мѣрой подавленія свободной жизни народа. Но духа человѣческаго подавить невозможно, и чѣмъ сильнѣе давленіе на него, тѣмъ разрушительнѣе будетъ протестъ съ его стороны. Отдѣльные протесты во имя свободы духовной жизни начались давно на западѣ; но когда давленіе со стороны Рима не ослабѣвало, то накопившее озлобленіе въ духовно угнетенныхъ народахъ вырвалось наконецъ подобно раскаленной лавѣ, потрясая весь западъ. Въ германскомъ народѣ, отличающемся особенною силою критическаго ума и крѣпостью чувства индивидуальной независимости, воспрянулъ духъ протеста во имя христіанской свободы, поцранной Римомъ, и такимъ образомъ въ западномъ мірѣ совершился тотъ великій религіозный переворотъ, который носитъ названіе реформаціи.

Реформація представляетъ собою второй фазисъ въ процессѣ историческаго развитія христіанства, [которымъ оно пришло къ своему теперешнему состоянію. Главной задачей ея было просто низвергнуть римское иго, освободить духовную жизнь народа отъ внѣшняго гнета и, насколько возможно, возстановить первобытное вселенское христіанство, какъ оно существовало въ первые вѣка. Въ этомъ сказалось замѣчательное чувство правды въ германскомъ народѣ, который инстинктивно чувствовалъ ложь римскаго католицизма и инстинктивно искалъ истиннаго христіанства въ томъ вселенскомъ преданіи, отъ котораго отпалъ Римъ. Но увы — это первобытное христіанство отдѣлено было уже отъ реформаторовъ многими вѣками исторической жизни, такъ что оно уже неясно предносилось ихъ уму, да и сами они потеряли уже надлежащее чувство и сознаніе вселенской правды христіанства. Тѣмъ не менѣе они совершили геройскую попытку — сразу повернуть всю исторію къ тому моменту, откуда она пошла по ложному пути, и вычеркнуть всѣ тѣ вѣка исторической жизни, которые отдѣляли ихъ отъ того момента. Попытка геройская, но очевидно невозможная. Но если нельзя было исторіи вернуть назадъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, то оказалось въ нѣкоторомъ смыслѣ возможнымъ эти вѣка, то есть начала ихъ жизни пересадить на почву среднихъ вѣковъ. Такъ именно

и случилось, и протестантизмъ есть не что иное, какъ первобытное христіанство, пересаженное на гнилую почву среднихъ вѣковъ. Понятно, оно не могло привиться на этой чуждой почвѣ, оно не имѣло преданія здѣсь, заглушалось плеведами средневѣковой жизни и могло существовать не какъ живое, жизненное начало, а какъ историческій памятникъ, не какъ живое Слово Божіе, а какъ мертвая книга—Библия. Вотъ почему протестантизмъ въ сущности представляетъ собою такую же схоластическую систему, какъ и римскій католицизмъ. Не имѣя подъ собой живаго историческаго преданія, онъ бездушно держится буквы Библии, которая однакоже не спасаетъ его отъ неизбежной участи беспочвеннаго существованія, — отъ рационализма.

Такимъ путемъ историческаго развитія христіанскій міръ пришелъ къ своему теперешнему раздѣленному состоянію. Такъ единая церковь Христова распалась на три главныхъ общины. Но рядомъ съ этимъ историческимъ процессомъ шелъ *внутренній* процессъ богословской мысли, который можетъ еще болѣе уяснить не только причины раздробленія христіанскаго міросозерцанія, но также и то, гдѣ находится въ настоящее время цѣльная христіанская истина — въ ея полномъ воплощеніи.

Въ развитіи богословской мысли замѣчается совершенно тотъ же процессъ, который мы видимъ въ области философіи. Въ этой послѣдней области мы видимъ замѣчательное явленіе, что мысль человѣческая въ своихъ усиліяхъ постигнуть истину бытія постоянно переходитъ отъ одного крайняго воззрѣнія къ другому, и вся исторія философіи есть не что иное, какъ исторія скачковъ философской мысли отъ идеализма къ матеріализму (съ переходными ступенями) и наоборотъ. Это явленіе лучше всего доказываетъ неспособность конечнаго разума объять истину во всей ея полнотѣ. Истину легче всего представить какъ шаръ, и какъ шаръ мы можемъ видѣть въ извѣстный моментъ только съ одной его стороны, такъ что, переходя къ разсмотрѣнію другой стороны, теряемъ изъ виду первую сторону, такъ и истину разумъ человѣческой можетъ видѣть и воспринимать только съ одной стороны. Вслѣдствіе этого (возьмемъ

другой примѣръ) подобно тому, какъ солнце можетъ освѣщать только одну сторону земнаго шара, такъ что другая остается во тьмѣ, и солнце философскаго умозрѣнія освѣщаетъ намъ истину бытія только съ одной стороны, и потому, какъ на землѣ происходитъ смѣна дня и ночи, такъ и въ области философскаго умозрѣнія происходитъ смѣна идеализма и матеріализма. Нѣчто подобное замѣчается и въ области богословской мысли. Правда, здѣсь мы имѣемъ новый факторъ, котораго не имѣется въ философіи, именно сверхъестественное откровеніе, которое и стало необходимымъ вслѣдствіе естественной неспособности разума человѣческаго собственными силами объять истину во всей ея полнотѣ, но эта неспособность даетъ о себѣ знать даже и при существованіи откровенія, и именно въ отношеніи самаго откровенія.

Сущность христіанства заключается въ идеѣ искупленія. Эта общая истина, кажется, должна бы быть вполне доступна уму человѣческому, тѣмъ болѣе что душа, по извѣстному изреченію христіанскаго учителя, по природѣ христіанка, и въ этомъ отношеніи не должно бы быть никакихъ недоразумѣній. Однако эти недоразумѣнія явились уже въ первые годы существованія христіанства и съ того времени не перестаютъ существовать до настоящаго момента. На этихъ недоразумѣніяхъ въ сущности основывается различіе между церквами раздѣленнаго христіанства. Недоразумѣніе явилось слѣдующимъ образомъ.

Христіанство, какъ возникшее среди іудейскаго народа, естественно сначала между іудеями имѣло и своихъ послѣдователей. На первыхъ порахъ оно многимъ представлялось даже не больше какъ новою отраслью іудейства; и потому естественно вступавшіе въ него іудеи приносили съ собой свои ветхозавѣтныя воззрѣнія, свою обрядность, свой законъ, свое даже обрѣзаніе, такъ что скоро образовалось мнѣніе, что только іудеи и могли быть христіанами и всякій, намѣревающийся вступить въ общину христіанъ, предварительно долженъ пройти ветхозавѣтную ступень, принять законъ и обрѣзаніе. Ясно, что такой взглядъ суживалъ вселенскую идею

христіанства и грозилъ наложить на религію человѣчества печать іудейской исключительности и подзаконной обрядовой косности. Тенденція эта была тѣмъ опаснѣе, что сторонники ея могли ссылаться, хотя и неправильно, на авторитетъ ап. Петра и другихъ апостоловъ обрѣзанія. Нужно было побороть эту тенденцію, и на борьбу съ нею выступилъ апостоль языкъ Павелъ. Вся апостольская и писательская дѣятельность его была направлена къ тому, чтобы доказать, что значеніе Моисеева закона миновало, что онъ былъ только подготовленіемъ къ Нов. Завѣту, и спасеніе можетъ быть приобретено не дѣлами закона, а вѣрою, что царство Христа не есть царство подзаконнаго рабства, а царство свободы.

Такой аргументаціей и своей личной дѣятельностью ап. Павелъ сломилъ узкую тенденцію юдаизма, но его ученіе послужило поводомъ къ уклоненію въ противоположную крайность. Въ христіанскую церковь стали вступать и язычники, которыхъ между прочимъ и смущали воззрѣнія строгихъ юдаистовъ. Такъ какъ они не связаны были ничѣмъ съ ветхозавѣтными традиціями, то ученіе ап. Павла было радостно принято ими, они съ увлеченіемъ ухватились за идею свободы въ христіанской церкви, и такъ какъ въ этомъ отношеніи они ни въ чемъ не находили себѣ ограниченія, то свобода эта у нихъ легко перешла въ распущенность, отрицаніе Моисеева закона въ отрицаніе всякаго вообще закона, отрицаніе ветхозавѣтнаго преданія и ветхозавѣтной обрядности въ отрицаніе всякаго преданія и всякой обрядности, и на мѣсто опредѣленныхъ узаконенныхъ церковью началъ выступилъ произвольный *гносисъ*, или личный разумъ, какъ главный руководитель въ дѣлѣ спасенія. Однимъ словомъ языческая партія перешла какъ разъ въ противоположную крайность съ іудейской, и тѣмъ болѣе опасную, что она опиралась на неправильно понятое ученіе ап. Павла. И вотъ уже въ первобытной церкви образовалось два направленія, которыя извѣстны въ наукѣ подъ названіемъ *юдаизма* и *гностицизма*. Оба они очевидно неправильно понимали сущность христіанства, каждое воспринимало его только съ одной стороны. Поэтому явилась не-

обходимость вновь выразить сущность христіанства и выразить такъ, чтобы въ пониманіи его исключалась возможность односторонности, то есть выразить центральную сущность христіанства во всей цѣлостности его содержанія. Эту задачу разрѣшилъ ап. Іоаннъ. Задача, какъ видно, состояла въ такомъ выраженіи христіанскаго міросозерцанія, которое бы исключало односторонность обѣихъ партій. Нужно было указать такой пунктъ въ немъ, исходя изъ котораго, можно бы было простымъ логическимъ путемъ развивать христіанское міросозерцаніе изъ самой его сущности и во всей его полнотѣ. Такимъ пунктомъ конечно могъ быть только основной центральный догматъ христіанства—идея богочеловѣчества. Съ точки зрѣнія этого догмата одинаково устранялся какъ юдаизмъ, такъ и гностицизмъ. Воплощеніе Божества вызвано было великою нуждою человѣчества, въ которой не могъ помочь ни законъ въ іудействѣ, ни философскій гносіе въ язычествѣ. Значить тотъ и другой долженъ вполнѣ уступить мѣсто новому началу, и всѣ члены царства Христова должны исходить изъ той мысли, что ничто земное не можетъ быть достаточной основой церкви Христовой, что она единственно зиждется на идеѣ богочеловѣчества, что богочеловѣчество это есть выраженіе высочайшей любви и поѣтому началомъ христіанской жизни можетъ быть ни законъ, ни гносіе, а именно *любовь*, любовь какъ синтезъ закона и свободы. И вотъ мы дѣйствительно и видимъ, что эти два понятія — богочеловѣчество и любовь составляютъ основныя идеи какъ Евангелія, такъ и посланій ап. Іоанна. Въ нихъ заключается глубочайшее выраженіе всей сущности христіанства, ученіе ап. Іоанна сдѣлалось нормой въ развитіи христіанскаго міросозерцанія, и всякое уклоненіе отъ него по необходимости есть уклоненіе отъ истины. Оно легло, какъ извѣстно, въ основу всего послѣдующаго догматическаго развитія вселенской церкви. При всѣхъ послѣдующихъ затрудненіяхъ церковь неизмѣнно обращалась къ этому ученію, выставляя его противъ всѣхъ заблужденій и новыхъ ученій. Во время богословскихъ споровъ IV и слѣд. вѣковъ она на вселенскихъ соборахъ всеосто-

ровне развила идею богочеловѣчества и формулировала свое учене въ символѣ и догматическихъ вѣроопредѣленіяхъ. Потому-то церковь вселенскихъ соборовъ представляетъ истинное православіе во всей полнотѣ его опредѣленія и развитія.

Такимъ образомъ мы въ первые вѣка встрѣчаемся съ двумя односторонними взглядами и однимъ полнымъ выраженіемъ истины христіанства. Последнее дано было, какъ предостереженіе отъ уклоненія къ односторонности. Но такова уже ограниченность ума человѣческаго, что ему легче обнять истину только съ одной какой-нибудь стороны, и мы видимъ изъ исторіи, какъ церковный, такъ сказать, умъ уклоняется то въ одну, то въ другую сторону, находя для себя легче обнять истину христіанства только съ одной его стороны. Вся исторія богословской мысли представляетъ собой такіе же скачки отъ юдаизма къ гностицизму и наоборотъ, какіе въ исторіи философской мысли мы видимъ отъ идеализма къ матеріализму и наоборотъ. Истина во всей ея полнотѣ оказывается трудно постижимой для ума, пока онъ исключительно полагается на себя.

Если мы теперь взглянемъ на существующія въ настоящее время вѣроисповѣдныя формы, то увидимъ, что онѣ представляютъ собою именно выраженіе одного изъ этихъ трехъ воззрѣній. Возьмемъ рим. католицизмъ. Онъ выродился изъ западнаго христіанства. Онъ развился среди народа, который, какъ мы видѣли, мало способенъ былъ къ высшей умозрительной мысли. Занимавшіе восточную церковь высочайшіе вопросы о богочеловѣчествѣ были почти совершенно не доступны ему, и онъ мало интересовался ими. Зато по складу своего ума онъ съ особенной любовью занялся внѣшнею стороною церковной жизни, разработкой законодательной и обрядовой стороны церкви. Вслѣдствіе этого въ римской церкви весьма естественно изъ внутренняго склада римскаго ума развилась крайняя привязанность къ обряду и закону, религію благодати и свободы она заключила въ тѣсныя рамки обязательнаго церковнаго кодекса и дѣламъ внѣшняго благочестія придала чисто ветхоза-

«Христ. Читн.», № 9—10, 1885 г. 30

вѣтное значеніе, перенесъ всю искупительную силу на вѣшнія дѣла благочестія, такъ что механическому исполненію ихъ уже придавалось искупительное значеніе. Мало того, это направленіе римской церкви выразилось въ еще болѣе яркихъ чертахъ. Разъ она приняла ветхозавѣтную тенденцію, она стала стремиться къ осуществленію ея во всей ея полнотѣ. Она стала стремиться къ основанію теократическаго государства на подобіе ветхозавѣтной теократіи, только съ притязаніемъ обнять весь міръ. Самое царство Христово при этомъ должно было потерять свой духовный характеръ. Въмѣсто духовнаго Мессіи, царство котораго не отъ міра сего, въ сознаніи римской церкви выступила узко-іудейская идея Мессіи-завоевателя, который долженъ былъ возстановить царство Израилю и распространить свое политическое могущество по всей землѣ. Ясно, что въ такъ понимаемомъ царствѣ Христа долженъ быть видимый выразитель политическаго и іерархическаго могущества Мессіи, долженъ быть видимый глава христіанской теократіи, облеченный всею властію Мессіи-завоевателя. И вотъ естественно и съ логическою необходимостью является идея намѣстника Христа на землѣ, идея папства. Ап. Петръ ставится какъ основатель этой теократіи, создается легенда о его 25-тилѣтнемъ епископствованіи въ Римѣ, перетолковывается его первенство въ обществѣ апостоловъ въ главенство, и—такимъ образомъ создается система римскаго католицизма съ папой во главѣ.

Ясно такимъ образомъ, что римскій католицизмъ есть воплощеніе односторонняго взгляда на христіанство. Это есть ничто иное, какъ вполне развитый юдаизмъ, въ немъ христіанство воспринято только съ одной стороны, со стороны вѣшной законности, и упущена другая притивоположная сторона. Понятно, такое положеніе вещей могло существовать только до тѣхъ поръ, пока релігіозное сознаніе не развилось настолько, чтобы не удовлетворяться больше вѣшной системой и искать удовлетворенія въ духѣ, пока внутреннее христіанское сознаніе не почувствовало односто-

ронности этой системы и вновь не потребовало полной истины христианства.

Юдаизмъ римской церкви достигъ своего апогея въ средніе вѣка, когда внѣшняя подзаконность грозила совершенно подавить духъ. Но угнетенный духъ тѣмъ сильнѣе поэтому выразилъ протестъ противъ такого ига подзаконности, наложеннаго на совѣсть, освобожденную христианствомъ. Но во имя чего могъ быть этотъ протестъ? Конечно, во имя того же, во имя чего ап. Павелъ протестовалъ противъ древняго юдаизма, во имя свободы совѣсти и благодати. И мы видимъ, что дѣйствительно протестантизмъ является не только протестомъ противъ юдаизма съ его подзаконностью въ римской церкви, но протестомъ во имя свободы совѣсти и благодати, и именно протестомъ, исходящимъ изъ ученія ап. Павла. Вся аргументація протестантизма въ его борьбѣ съ рим. католицизмомъ основывается на этомъ ученіи. Противъ римской подзаконности онъ постоянно и настойчиво выставляетъ ученіе ап. Павла объ оправданіи вѣрою. Но какъ бурный протестъ противъ римскаго юдаизма, протестантизмъ не удержался на истинномъ пониманіи ученія апостола языковъ и вновь повторилъ увлеченіе, уже случавшееся въ исторіи, и впалъ въ крайность гностицизма. Протестантизмъ по своему внутреннему міросозерцанію есть тотъ же старый гностицизмъ, принявшій только новую форму. Подобно старому гностицизму, онъ выходитъ изъ односторонняго пониманія ученія ап. Павла, отрицаетъ дѣла закона во имя вѣры, отвергаетъ преданіе во имя свободы разума и подобно ему на мѣсто авторитета церкви ставитъ безграничную свободу умозрѣнія, какъ единственное правило церковно-религіозной жизни.

Такимъ образомъ существующія теперь церкви, подѣлившія между собою христианскій міръ, выражаютъ собою три особыхъ міросозерцанія, ярко обозначившіяся въ исторіи. Римскій католицизмъ есть система христианскаго юдаизма и носитъ на себѣ всѣ черты этого односторонняго богословскаго направленія. Протестантизмъ, какъ противоположная крайность, есть система христиан-

скаго гностицизма. Подобно ему онъ отрицаетъ всякій законъ въ церковно-религіозной жизни и выше авторитета церкви ставитъ личный гносисъ, субъективное умозрѣніе.

Если такимъ же способомъ опредѣлить систему православія, то логика исторіи и фактовъ ведетъ къ заключенію, что эта церковь исходитъ изъ богословія ап. Іоанна. Она по своему міросозерпанію служитъ представительницей выраженной этимъ апостоломъ и возведенной на вселенскихъ соборахъ въ догматическую систему идеи богочеловѣчества — въ догматическомъ, и любви — въ нравственномъ отношеніи. Потому-то православіе, выражая собою полноту христіанства, одинаково относится отрицательно какъ къ римскому католицизму, такъ и къ протестантизму, представляющимъ собою одностороннее и потому ложное воспріятіе истины христіанства.

Итакъ вотъ въ какомъ отношеніи западное христіанство стоитъ къ православію, именно какъ одностороннее воспріятіе истины къ цѣльному выраженію ея. Римскій католицизмъ и протестантизмъ понимаютъ христіанство съ двухъ противоположныхъ его сторонъ, что и дѣлаетъ ихъ двумя непримиримыми между собой, противоположными системами; но сущность христіанства, то, что только и можетъ служить основой церкви и скрѣпой ея вѣковыхъ верій, именно идея богочеловѣчества съ ея практическимъ осуществленіемъ въ любви, имъ въ сущности чужда, а потому они не осуществляютъ собою истины христіанства, какъ религіи человѣчества, долженствующей возродить міръ, поднять и оздоровить его культурныя силы, чтобы посредствомъ ихъ вести человѣчество къ достиженію возможнаго ему совершенства. Напротивъ, какъ одностороннія системы, онѣ при своемъ дальнѣйшемъ развитіи не только не приводятъ къ болѣе полному раскрытію заключающихся въ христіанствѣ сокровищъ, предназначенныхъ для возвышенія нравственно-религіозной жизни человѣчества, а напротивъ становятся въ противорѣчіе съ успѣхами въ области мысли и ведутъ къ разложенію нравственно-религіозной жизни. Въ подтвержденіе этого современная жизнь западнаго христіанскаго міра

представляетъ множество доказательствъ и съ указанной точки зрѣнія легко объясняются многія явленія въ этой жизни, которыя иначе представляются не совсѣмъ ясными.

II.

Не выражая собою цѣльной истины христіанства, а исходя изъ односторонняго пониманія его, обѣ вѣроисповѣдныя системы западнаго міра стали въ ложное отношеніе къ двумъ существеннымъ проявленіямъ въ жизни человѣчества къ *наукѣ* и *государству*. Христіанство явилось на землѣ не съ тою цѣлю, чтобы стѣснять, а тѣмъ болѣе отрицать эти важныя и необходимыя функціи человѣческой жизни, а напротивъ—чтобы, освободивъ человѣка отъ рабства низшимъ грѣховнымъ потребностямъ, подавлявшимъ древній міръ, дать новую помощь высшимъ силамъ человѣческаго духа— въ достиженіи имъ посредствомъ науки полнаго созерцанія истины и посредствомъ развитія государственной жизни такой формы общезжитія, которая была бы достойнымъ выраженіемъ царства Божія на землѣ. Но ясно, что все это возможно только съ точки зрѣнія истинной сущности христіанства, возможно въ церкви, которая воплощаетъ полную истину христіанства, а не исходитъ изъ односторонняго и потому ложнаго воззрѣнія на него. Обѣ западныя системы поэтому и не могутъ стоять въ нормальномъ отношеніи къ наукѣ и государству, и ихъ отношеніе дѣйствительно характеризуется явленіями, которыя показываютъ внутренній недостатокъ самыхъ системъ.

Римскій католицизмъ, воспринимая христіанство съ его внѣшней, обрядовой стороны и понимая его какъ внѣшнюю организацію, долженствующую объединить все человѣчество подъ однимъ іерархическимъ закономъ папства, тѣмъ самымъ стѣсняетъ духовную жизнь человѣка. Духъ человѣческій по своей природѣ свободенъ, а между тѣмъ система папства только и основывается на внѣшнемъ

принужденіи; для нея опасны всѣ движенія человѣческаго духа, выходящія изъ подъ ея контроля, и потому въ этой системѣ по необходимости является подозрительность ко всякому проявленію свободной духовной жизни. И вотъ, чтобы ограничить эту свободу, римская церковь ставитъ всевозможныя преграды къ развитію свободной духовной жизни, старается втиснуть ее въ рамки мертвой обрядности, отнимаетъ у народовъ даже естественный органъ духовной жизни—родной языкъ въ богослуженіи и на мѣсто его принудительно вводитъ мертвый языкъ—латинскій. Понятно, что такая система не можетъ считаться благопріятной наукѣ, которая только и мыслима подъ условіемъ свободы духа. Противъ этого именно духовнаго рабства возсталъ нѣмецкій народъ, произведшій реформацію. Съ этой стороны протестантизмъ оказалъ великую услугу западному человѣчеству. Онъ освободилъ совѣсть отъ внѣшняго гнета, провозгласилъ свободу духовной жизни и возвратилъ народамъ право пользованія своимъ роднымъ языкомъ. Наука получила въ немъ не только покровителя, но и сильнаго поощрителя. И дѣйствительно, какъ только протестантизмъ провозгласилъ свободу духовной жизни, человѣческій духъ какъ бы воспрянулъ отъ вѣковаго сна, сбросилъ съ себя цѣпи схоластики и умственная жизнь закипѣла. Во всѣхъ отрасляхъ научнаго знанія началась оживленная дѣятельность, и въ короткое время достигнуты были результаты, которые были немислимы при исключительномъ господствѣ рим. католицизма. Но здѣсь скоро оказался также существенный недостатокъ. Протестантизмъ провозгласилъ свободу духа, но свобода предполагаетъ извѣстные законы, безъ которыхъ она переходитъ въ распущенность и безпринципность. Нужна была извѣстная норма, съ которой постоянно долженъ сообразоваться свободный духъ при своей дѣятельности. А этой-то нормы и не оказалось въ протестантизмѣ. Оторвавшись отъ рим. католицизма, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно оторвался отъ почвы историческаго христіанства; будучи чистымъ протестомъ и отрицаніемъ, онъ не имѣлъ преданія; у него не было того коллективнаго смысла, ко-

торый, вырабатываясь вѣками исторической жизни, служить и нормой ея дальнѣйшаго развитія. Въ такомъ случаѣ стало воплѣ естественнымъ то явленіе, что свобода духа въ протестантизмѣ перешла въ распущенность. Правда, не имѣя преданія, протестантизмъ хотѣлъ найти для себя норму въ буквѣ Библии, но увы— Библия, какъ книга, не истолковываемая вселенскимъ разумомъ церкви, сдѣлалась лишь игрушкой въ рукахъ индивидуальнаго разума, и каждый влагалъ въ нее то содержаніе, какое только подсказывалъ ему личный разумъ. Вслѣдствіе этого богословская мысль въ протестантизмѣ прямо стала на скользкій путь раціонализма; не находя ограниченія въ преданіи, какъ вселенскомъ смыслѣ церкви, она потеряла равновѣсіе, и мы видимъ, какъ все протестантское богословіе неудержимо стремится къ безднѣ раціонализма. Вся протестантская богословская литература болѣе или менѣе пропитана раціонализмомъ, не смотря на то, что многія сочиненія выдають сильное религіозное чувство. Лишь только протестантская мысль поднимается за предѣлы элементарнаго благочестія, она вступаетъ въ холодную атмосферу раціонализма. Этотъ роковой порокъ протестантизма сознанъ былъ еще первыми дѣятелями реформаціи, и тогда же выработаны были разныя формулы исповѣданія, долженствовавшія служить нормой и критеріемъ богословствующей мысли. Но разъ провозглашенъ былъ полный просторъ индивидуальной мысли, такія формулы были лишь жалкими, бумажными плотинами, и конечно не имъ было остановить бурный потокъ разнузданной мысли. Такимъ образомъ если рим. католицизмъ погрѣшаетъ противъ духа христіанства въ томъ, что угнетаетъ и сковываетъ духовную жизнь, то протестантизмъ погрѣшаетъ тѣмъ, что, давая ей свободу, не даетъ авторитетной нормы для ея проявленія и развитія. Результаты въ концѣ концовъ оказываются одинаковыми, и какъ то, такъ и другое отношеніе приводитъ къ разложенію духовной религіозно-нравственной жизни. Рим. католицизмъ конечно въ большинствѣ успѣваетъ въ подавленіи духа игомъ подзаконности, но часто живая потребность духа не выносить этого гнета, вы-

рывается, и тогда онъ становится въ такое дико враждебное отноше-
 шеніе не только къ римской церкви, но и ко всему христіанству,
 какого не представляютъ и виѣ-христіанскія общины. Извѣстно,
 что изъ лона рим. католической именно церкви выходили злѣй-
 шіе враги христіанства, каковымъ былъ напр. Вольтеръ, прошедшій
 даже іезуитскую школу. Тѣ чувства ненависти и отвращенія къ
 христіанству, которыми отличался этотъ архиневѣръ, порождены
 были въ немъ именно ложнымъ отношеніемъ римской церкви къ
 естественнымъ правамъ человѣческаго духа и къ области его про-
 явленія—наукѣ. Поэтому-то обѣ системы западнаго христіанства
 представляютъ собою весьма ненадежную гарантію для равновѣсія
 вѣры и знанія, и раціонализмъ съ одинаковою необходимостью,
 хотя и при разныхъ условіяхъ, вырастаетъ какъ на почвѣ протес-
 тантизма, такъ и на почвѣ римскаго католицизма. Протестантская
 Германія раздѣдается раціонализмомъ, ютящимся въ такъ называе-
 мыхъ „критическихъ“ трудахъ нѣмецкаго богословія но и рим.
 католическая Франція въ свою очередь произвела и воспитала
 цѣлыя школы полныхъ отрицателей христіанства, которыя подъ
 разными видами и названіями существуютъ и процвѣтаютъ до
 настоящаго времени, и при томъ на рим. католической именно
 почвѣ раціонализмъ достигаетъ такого отрицанія и дикаго кощун-
 ства, которыя безпримѣрны въ протестантскихъ странахъ. Въ са-
 момъ дѣлѣ только на почвѣ рим. католицизма мыслимо такое отча-
 янное невѣріе, которое порождаетъ напр. такія газеты, какъ „Ni
 Dieu, ni Maître“, или такія общества, какъ образовавшееся недавно
 въ Парижѣ „антидеистическое“ общество, которое задалось дикою
 цѣлію исключить самое слово Богъ изъ всѣхъ языковъ міра! Та-
 кимъ образомъ крайности сходятся. Если протестантизмъ послѣдо-
 вательнымъ развитіемъ своего личнаго гносиса приводитъ къ край-
 нему раціонализму, за которымъ стучится въ дверь полное невѣ-
 ріе, то къ этому же именно результату приводитъ и рим. като-
 лицизмъ, вызывая протестъ противъ присущаго этой системѣ под-
 законнаго вгета, давящаго жизнь совѣсти и духа. Результатъ ко-

вечно плачевный и онъ парализуетъ самое назначеніе и цѣль христіанства. Вѣдь послѣднее дано человѣчеству, какъ высочайшее откровеніе истины, какъ новый и необычайный рычагъ въ развитіи духовныхъ силъ человѣка для достиженія имъ полноты совершеннаго знанія, а между тѣмъ западныя системы, ложно представляя христіанство, возбуждаютъ человѣческій духъ противъ этого источника свѣта и истины и тѣмъ тормозятъ достиженіе конечной цѣли человѣческаго бытія—духовно-нравственнаго совершенства.

Еще ярче эта роковая односторонность системъ западнаго христіанства сказывается въ отношеніи къ государству. Христіанство несомнѣнно имѣетъ тенденцію основать царство Божіе на землѣ и съ этою цѣлю провозглашаетъ идеи, осуществленіе которыхъ должно повести къ усовершенствованію формъ человѣческаго общежитія. Своими идеями свободы, равенства и братства оно уже совершило величайшій переворотъ въ социальномъ отношеніи. Возвысивъ значеніе личности, оно отмѣнило рабство, оградило права женщинъ и дѣтей, ослабило гнетъ государства надъ личностью, и въ сущности его лежатъ зачатки такой формы общежитія, такихъ социальныхъ отношеній, которыя были бы достойнымъ выраженіемъ царства Божія на землѣ. Римскій католицизмъ выходитъ изъ этой идеи и стремится къ основанію именно общечеловѣческаго царства, того *civitas Dei*, которое соединило бы все человѣчество въ одинъ церковный организмъ съ одною главою. Но такъ какъ онъ понимаетъ христіанство односторонне, то это естественное и законное въ христіанствѣ стремленіе выродилось въ грубую тираннію, противъ которой возмущается національное чувство. Понявъ христіанство, какъ новую политическую теократію, наподобіе ветхозавѣтной теократіи, римскій католицизмъ при своей объединительной дѣятельности выступилъ не въ качествѣ церкви, а въ качествѣ государства, могущественной имперіи, которая имѣетъ право поглотить всѣ народы и всѣ государства. Понятно, при этомъ стремленіи онъ долженъ былъ встрѣтиться съ естественнымъ чувствомъ самосохраненія въ отдѣльныхъ государствахъ, которыя должны

были отстаивать свою самостоятельность. Но римскій католицизмъ, разъ ставъ на ложную почву завоевательности и самовластиа, уже не останавливался ни предъ чѣмъ, и устами своего откровеннѣйшаго представителя, папы Григорія VII, выразилъ ту мысль, что отдѣльныя государетва суть порожденія неправды и лъчества, что власть свѣтскихъ государей не имѣеть божественной санкціи, что они обязаны ею насилію, разбою и содѣйствию князя міра сего діавола, что единый государь, власть котораго отъ Бога, есть только папа. Въ одномъ изъ своихъ посланій онъ между прочимъ такъ говоритъ о власти свѣтскихъ государей: „кому не извѣстно, что цари и князья получили свою власть отъ тѣхъ, которые, не зная Бога, посредствомъ высокомѣрія, грабительства, вѣроломства, человѣкоубійства и наконецъ почти всевозможныхъ злодѣяній, при содѣйствию князя міра сего діавола, съ слѣпою жадностью и нестерпимымъ домогательствомъ добились господства надъ равными себѣ людьми“¹⁾. И это выраженіе нельзя считать просто результатомъ минутнаго гнѣвнаго раздраженія папы на непокорныхъ государей,—оно выражаетъ самый принципъ отношеній рим. католицизма къ государству, и этотъ принципъ, таясь въ нѣдрахъ системы, готовъ проявиться всегда, лишь только наступятъ благопріятныя для того обстоятельства. Понятенъ практическій смыслъ этого принципа. Въ немъ лежитъ зародышъ и оправданіе того страшнаго антигосударственнаго чудовища, которое теперь называется социализмомъ; да это просто самъ социализмъ, тотъ социализмъ, который теперь ведетъ отчаянную борьбу съ государствомъ, ведетъ во имя какой-то туманной идеи всечеловѣческаго братства. И замѣчательнѣе всего, что новѣйшій социализмъ въ своей аргументаціи употребляетъ почти тождественные доводы, какъ ихъ выразилъ папа Григорій VII. Въ социалистической литературѣ мы постоянно встрѣчаемся съ выраженной этимъ папою мыслью, что

¹⁾ Ep. VII, 21 ad Herimannum (1081). *Herzog*, R.—Enc. Bd. VII, стр. 571, Art. *Kirche*:

государства обязаны своимъ основаніемъ разбою и хищничеству, что самая *собственность*, этотъ фундаментъ государства, есть *воровство!*.. Послѣ этого нечего удивляться тому, что главнымъ очагомъ социализма и революцій служатъ именно римско-католическія страны, и въ этихъ странахъ социализмъ принимаетъ самыя дикія и страшныя формы. Франція всегда была возлюбленнѣйшею дочерью намѣстника Христова на землѣ, въ ней римско-католическія начала достигли полнѣйшаго и высшаго своего развитія, и однакоже что мы видимъ?—видимъ, что это государство стало какимъ-то революціоннымъ вулканомъ, который, начиная съ конца прошлаго столѣтія, постоянно грозитъ всей Европѣ разрушительной лавой революціи. А Италія? Испанія? Ирландія? наконецъ наша Польша?—развѣ мы не видимъ въ нихъ постояннаго революціоннаго броженія, которое періодически принимаетъ разрушительныя формы?....

Въ виду такихъ внутреннихъ началъ римскаго католицизма государство конечно не можетъ уживаться съ нимъ. Самый инстинктъ самосохраненія невольно заставляетъ его постоянно быть насторожѣ противъ притязаній этой церковной системы и ограничивать ея непосредственное вліяніе на общественно-государственную жизнь. Такъ какъ однакоже римскій католицизмъ по самой сущности своей не можетъ отказаться отъ этихъ притязаній, то естественно возникаетъ столкновеніе между церковью и государствомъ. Исторія этихъ столкновеній весьма длинная, начинается со времени почти перваго зарожденія папской системы, но самый интересный фазисъ ея разыгрывается на нашихъ глазахъ, въ наше время. Прежде борьба велась между государями и папами, имѣла часто личный характеръ, теперь эта борьба перешла на почву принциповъ. Если прежде напр., боролся Генрихъ IV противъ Григорія VII, то теперь борется уже такъ называемая *культура* противъ *клерикализма*, то есть принципъ гражданской жизни противъ принципа церковной жизни. Явленіе это несомнѣнно печальное, но оно является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ политики римскаго

католицизма. При этомъ особенно замѣчательнъ тотъ фактъ, что борьба эта возникаетъ не только въ нѣдрахъ государствъ, которыя по своимъ національнымъ и вѣроисповѣднымъ началамъ враждебны римскому католицизму, но и въ нѣдрахъ самихъ римско-католическихъ государствъ. Съ римскимъ клерикализмомъ принуждены бороться не только протестантская Германія, но и католическая Франція, католическая Италія, католическая Бельгія, православная Россія. Римская церковь не уживается ни съ одною формою правленія: ни съ монархическою Россіей, ни съ конституціонной Германіей, ни съ республиканскою Франціей. И это очень понятно, — потому что принципъ римскаго католицизма, исключая государство, исключаетъ и всѣ его формы, признавая только одну всепоглощающую теократію. Вслѣдствіе этого вся новѣйшая культура принимаетъ антикатолическій характеръ, она ищетъ опоры въ государствѣ, которое въ свою очередь ищетъ въ ней союзницу въ борьбѣ противъ общаго врага. Результаты этого крайне печальны. Борясь съ римскимъ католицизмомъ, который гордо выступаетъ въ качествѣ единственнаго и истиннаго выразителя христіанства, государство и культура отъ своего непосредственнаго врага переносятъ вражду и на само христіанство и такимъ образомъ подрываютъ тотъ самый корень, изъ котораго развилась и принесла свои лучшіе плоды вся европейская цивилизація. Такъ республиканская Франція, найдя себѣ непримиримаго врага въ римско-католической церкви, начала противъ нея отчаянную борьбу, и эта борьба, развиваясь все больше и сильнѣе, теперь видимо уже принимаетъ не просто антикатолическій характеръ, но характеръ явно антихристіанскій. Республиканское правительство рѣшило совершенно секуляризовать французскій народъ. Съ этою цѣлію оно не только взяло школу изъ рукъ духовенства, но и съ достойною лучшаго дѣла энергіей изгоняетъ всякое религіозное обученіе изъ нея, вычеркивая даже изъ грамматикъ тѣ примѣры, гдѣ встрѣчается намекъ на религію и христіанство.

Но если къ такимъ плачевнымъ результатамъ въ отношеніи къ

государству приводит римскій католицизмъ, то не болѣе утѣшительнаго представляетъ въ этомъ отношеніи и протестантизмъ, хотя и какъ разъ съ противоположной стороны. Въ развитіи общественно-государственной жизни дѣйствуютъ естественные законы борьбы за существованіе, и предоставленная самой себѣ она имѣетъ постоянную тенденцію сложиться въ отношенія, которыя не соотвѣтствуютъ высшей идеѣ справедливости. Истину этого доказываетъ вся исторія общественно-государственной жизни въ до-христіанскомъ мірѣ, когда она была воплощеніемъ грубой неправды. Христіанство съ своими возвышенными идеями свободы, равенства и братства явилось, какъ святая норма, съ которой должна сообразоваться общественно-государственная жизнь. Воплощеніемъ этой нормы служить церковь, которая всегда должна быть настолько самостоятельна и независима, чтобы голосъ ея могъ имѣть вѣсь и значеніе въ общественно-государственной жизни. А этой-то самостоятельности и не имѣетъ церковь въ протестантизмѣ. Потерявъ цѣлостность своей организаціи, вслѣдствіе полного отрицанія іерархическаго начала, она раздробилась и легко сдѣлалась добычей государства. Государство поглотило церковь, и послѣдняя, вмѣсто того, чтобы быть руководительницей государства, сдѣлалась его рабой и послушнымъ орудіемъ его политическихъ цѣлей. Такимъ образомъ то, чего добивается государство въ римско-католическихъ странахъ, борясь съ церковью, то есть полной независимости и безконтрольности со стороны христіанскаго начала, въ протестантизмѣ давно уже существуетъ. И результатъ получается одинъ и тотъ же. Государство стремится совершенно секуляризоваться; подъ предлогомъ установленія равенства различныхъ мелкихъ сектъ и общинъ, изгоняетъ изъ государственныхъ учрежденій и особенно изъ школы всякую религію и все христіанство, ограничивая послѣднія мѣстомъ богослужебныхъ собраний. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, отличающейся разнообразіемъ сектъ и общинъ, эта такъ называемая „несектарная“ система получила уже полное развитіе и осуществленіе. Школа совершенно секуляризована, изъ нея

исключены всё религиозные предметы, и всё друзья истиннаго христіанскаго просвѣщенія содрогаются въ ожиданіи подростанія поколѣнія, имѣющаго выдти изъ этой школы.

Такимъ образомъ какъ римскій католицизмъ, такъ и протестантизмъ приходятъ въ концѣ концовъ къ одному и тому же результату, хотя и съ противоположныхъ сторонъ—именно къ подрыву христіанства. А такъ какъ христіанство есть основа всей нашей цивилизаціи, то, значить, они ведутъ и къ подрыву этой цивилизаціи. Настоящее время къ сожалѣнію представляетъ много данныхъ въ подтвержденіе этой печальной истины.

Никто не станетъ отрицать той истины, что западное христіанство сослужило великую цивилизаторскую миссію для человѣчества. Оно создало всю ту культуру, плодами которой пользуемся и мы. И не только все христіанство, взятое въ цѣломъ, но и каждая изъ двухъ его западныхъ церковныхъ формъ. Римская церковь первая внесла сѣмена цивилизаціи среди полудикихъ народовъ запада, обратила ихъ въ христіанство, своимъ вліяніемъ смягчила ихъ варварскіе нравы, и въ этомъ отношеніи несомнѣнные историческія заслуги принадлежатъ даже самой системѣ папства, потому что при господствѣ въ государственной жизни темныхъ среднихъ вѣковъ дикихъ началъ грубаго произвола послѣднія могли находить себѣ ограниченіе только въ такомъ могуществѣ, какимъ было папство. Протестантизмъ также имѣетъ право на признательность человѣчества, потому что онъ разбилъ оковы, наложенныя на совѣсть самовластіемъ папства, забывшаго свое назначеніе, и далъ могучій импульсъ къ свободному развитію духа и мысли. Но эти благотворныя вліянія принадлежатъ имъ лишь настолько, насколько эти формы выражаютъ собою само христіанство. Такъ какъ онѣ выражаютъ его не во всей полнотѣ, а односторонне, то онѣ скоро истощаютъ свое внутреннее религиозное содержаніе. Мы видимъ, какъ римскій католицизмъ въ настоящее время видимо выражается въ политическую доктрину. Одушевлявшія его внутреннія начала ослабѣли. Онъ уже не имѣетъ въ себѣ настолько нрав-

ственной силы, чтобы объединять входящие въ составъ его народы внутреннимъ чувствомъ религіознаго единства. Римско-католическіе народы сдѣлались уже настолько равнодушны къ престолу римскаго папы, что послѣдній напрасно взываетъ къ нимъ о матеріальной поддержкѣ при такихъ посягательствахъ на свои права, которыя грозятъ самому существованію папства. Нравственный авторитетъ папства ослабѣлъ до такой степени, что папа лично подвергается постояннымъ нападкамъ и оскорбленіямъ въ своемъ вѣчномъ городѣ и знаменитый индексъ запрещенныхъ книгъ служить лишь показателемъ наиболѣе популярныя и модныхъ книгъ. Невѣріе въ высшихъ классахъ и равносильное ему суевѣріе въ низшихъ дѣлаютъ христіанство въ немъ весьма сомнительнымъ. Но испаряясь внутренно, онъ, какъ форма, сохраняетъ свое обаяніе, и мало того—въ настоящее время проявляетъ даже болѣе усиленную дѣятельность, чѣмъ прежде. Но это призрачная дѣятельность. Римскій католицизмъ теперь дѣйствуетъ уже не какъ религіозная сила, а какъ сила политическая. Религіозный фанатизмъ въ немъ выродился въ политическій и племенной. Въ возмездіе за свое внутреннее ослабленіе онъ стремится расшириться внѣшнимъ образомъ. Теперь онъ ведетъ усиленную пропаганду среди славянъ, надѣясь быть можетъ, что ихъ болѣе здоровая религіозность вдохнетъ и въ него новую жизнь, — но употребляемыя средства для этого не имѣютъ ничего общаго съ религіозной миссіей. Дѣло ведется интригой и шумными демонстраціями. При этомъ не только пускаются въ ходъ всѣ позволительныя средства, но не останавливаются и предъ кощунствомъ. Приготовленія къ великому всеславянскому юбилею служатъ нагляднымъ примѣромъ. Подъ видомъ вящаго прославленія святаго первоучителя славянъ готовится кощунство, какого еще не видѣлъ христіанскій міръ ¹⁾).

Но то же самое вымираніе религіозно-нравственнаго начала замѣчается и въ протестантизмѣ. Римскій католицизмъ, изживъ свою

¹⁾ Кощунственная демонстрація эта, какъ извѣстно, потерѣла полное сѣаско. И слава Богу.

жизненную силу и теряя вслѣдствіе этого вліяніе на высшіе классы, имѣеть традиціонную обрядность, которая сохраняет свое значеніе для народныхъ массъ. Протестантизмъ напротивъ, отвергнувъ обрядность и сосредоточивъ всю церковно-религіозную жизнь въ индивидуальномъ умозрѣніи, сдѣлался лишь церковью культурныхъ, богословски образованныхъ классовъ. Народная масса въ немъ представлена самой себѣ, и такъ какъ ей недоступно высшее богословское умозрѣніе, то она практически оставлена внѣ ограды церковной, и изъ богатой сокровищницы христіанства ей даются лишь скудные сухія крохи — въ видѣ избытыхъ и часто безжизненныхъ проповѣдей. Развѣ можетъ сухая проповѣдь замѣнить когда нибудь священнодѣйствіе церкви, замѣнить страшное таинство евхаристіи, въ которомъ человѣческое естество осязательно пріобщается небу? ¹⁾ Въ протестантскихъ странахъ церкви сдѣлались постоянною высшихъ привилегированныхъ классовъ, сдѣлались особаго рода собраніями для воскресныхъ развлеченій съ дорогими сидѣніями, куда нѣтъ доступа бѣдняку. Наибольше поразительный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи англиканская церковь. Всѣ интересы ея связаны съ высшими классами, сами епископы и священники представляютъ привилегированную корпорацію и настолько аристократичны, что считаютъ для себя недостойнымъ спускаться въ трущобы для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ ихъ темныхъ обитателей. Поэтому въ то время какъ высшіе классы блистаютъ своею изысканною церковностью и благочестіемъ, народъ коснѣеть въ страшномъ безвѣріи и религіозномъ пѣвѣжествѣ. До какой степени паденія дошелъ въ этомъ отношеніи народъ, показываетъ тотъ печальный фактъ, что для его нравственнаго и религіознаго пробужденія понадобилось такое чудовищное явленіе, какъ пресловутая *армія спасенія*. И заброшенный церковью народъ массами пошелъ на приманку каррикатурно-военной организаціи секты, вожаки которой въ военныхъ мундирахъ, съ

¹⁾ Такъ именно недавно высказался нѣмецкій профессоръ-протестантъ Бейшлагъ въ своей брошюрѣ—въ защиту старокатолицизма.

знаменами и подъ звуки барабана военнымъ маршемъ ходятъ въ атаку на крѣпость сатаны, а проповѣдники не прочь проповѣдывать слово Божіе даже стоя на головѣ, лишь бы привлечь этимъ грубую одичавшую массу, какъ дѣйствительно недавно и было, къ невыразимому ужасу аристократическихъ епископовъ государственной церкви.

Такимъ образомъ обѣ системы западнаго христіанства не удовлетворяютъ существеннымъ потребностямъ религіозно-нравственной жизни. Вслѣдствіе этого само собою падаетъ въ обществѣ самое значеніе религіозно-нравственнаго начала, и вліяніе церкви на общество все болѣе слабѣетъ. Въ протестантизмѣ даже дѣлаются попытки теоретическаго оправданія такого порядка вещей. Такъ по одному воззрѣнію церковь, какъ представительница религіозно-нравственнаго начала, есть лишь временное явленіе. Рано или поздно настанетъ время, когда само государство возьметъ на себя роль воспитателя общества, и тогда церковь потеряетъ свой *raison d'être*. Эта мечтательная теорія уже начинается на западѣ. Съ ослабленіемъ религіозно-нравственнаго значенія церкви, государство постепенно беретъ на себя тѣ задачи, которыя принадлежатъ церкви. Доселѣ государство въ той или другой степені находилось въ зависимости отъ представляемаго церковью начала, въ большей или меньшей степені сообразовалось съ нимъ, въ своей законодательной дѣятельности принимало во вниманіе законы церковныя. Теперь государство быстро эмансипируется отъ вліянія церковнаго и на послѣднее начинаетъ уже смотрѣть какъ на начало враждебное, какъ на „клерикализмъ“. Но освобождаясь отъ церковнаго начала, государство возвращается къ естественнымъ началамъ государственной жизни, а эти естественныя начала такъ же противоположны церковнымъ, какъ *языческія* начала *христіанскимъ*. Однимъ словомъ освобождаясь отъ вліянія церковныхъ, христіанскихъ началъ, государство подпадаетъ дѣйствию языческихъ началъ, и возрожденіе этихъ началъ въ новѣйшемъ государствѣ можетъ отрицать только тотъ, кто имѣетъ глаза для того лишь, чтобы не видѣть. Въ са-

Христ. Чтен., № 9—10, 1885 г.

момъ дѣлѣ, однимъ изъ величайшихъ благодѣяній христіанства было то, что оно провозгласило свободу личности, освободило ее отъ деспотизма государства, тяготѣвшаго надъ ней въ язычествѣ, и сдѣлало ее цѣнной самой по себѣ, независимо отъ государственныхъ и экономическихъ цѣлей. Но развѣ новѣйшее государство осуществляетъ эту великую идею христіанства? Увы, въ этомъ отношеніи оно сдѣлало шагъ назадъ даже въ сравненіи съ средне-вѣковыми государствомъ. Благодаря ослабленію у современныхъ народовъ христіанскихъ началъ братства, въ новѣйшемъ государствѣ развился такой страшный милитаризмъ, какого не зналъ даже языческій міръ, и въ жертву этому молоху почти всецѣло принесена личность человѣческая... Въ этомъ явно сказывается возрожденіе язычества на почвѣ современной культуры. А затѣмъ не то же ли языческое начало сказывается во всей современной политикѣ? Вся она основана на вопіющемъ эгоизмѣ, развившемся до болѣзненности. Изъ-за призрачнаго нарушенія какихъ-то насильственно созданныхъ правъ новѣйшаго государства готовы жертвовать милліонами трудовыхъ денегъ и сотнями тысячъ жизней. А когда великимъ самоотверженнымъ подвигомъ Россіи цѣлый народъ былъ освобожденъ отъ варварскаго ига, то весь такъ называемый западный концертъ возсталъ для того, чтобы изъ грубо-эгоистическихъ расчетовъ бездушной политики на половину уничтожить плоды самоотверженнаго подвига.

Затѣмъ — другимъ плодомъ христіанства служить возстановленіе святости брака. Языческій міръ разлагался отъ растлѣнія семейныхъ началъ, безъ крѣпости которыхъ не мыслима крѣпость государственнаго организма. Церковь внесла новое начало въ семейную жизнь, возвысивъ бракъ изъ акта животной чувственности на степень духовнаго таинства и объявивъ эти священныя узы неразрушимыми, кромѣ какъ по винѣ прелюбодѣянія. Отъ этого великаго установленія общество обновилось, разлагавшееся человѣчество воскресло къ новой жизни. Теперь съ ослабленіемъ церковно-религіозныхъ началъ въ западно-европейскомъ обществѣ и въ этомъ отношеніи язычество вновь вступаетъ въ свои права. Извѣстно,

что большинство западныхъ государствъ лишили уже бракъ его церковнаго значенія въ качествѣ таинства, вновь провозгласили его гражданскимъ актомъ и мало по малу все болѣе расширяютъ свободу развода, вводя такимъ образомъ полигамію, разумѣется, послѣдовательную полигамію, такъ какъ совмѣстная полигамія, какъ достояніе варварства, претитъ культурному чувству...

Изъявъ изъ-подъ вліянія церкви семейство, современное государство естественно стремится изъять изъ-подъ ея вліянія и плоды брачныхъ узъ — дѣтей. Съ этою цѣлю церковь устраняется отъ воспитательнаго дѣла, школа секуляризуется и религіозно-нравственное воспитаніе замѣняется гражданскимъ. Въ этомъ опять явно сказывается возрожденіе языческаго начала. Самое воспитаніе получаетъ такъ сказать языческій характеръ. Христіанское воспитаніе имѣетъ своею цѣлю выработать и развить въ человѣкѣ нравственную личность независимо отъ какихъ-либо стороннихъ цѣлей, потому что по христіанскому воззрѣнію личность сама по себѣ есть самоцѣль, драгоценность, и правильное воспитаніе ея ведетъ къ конечной цѣли человѣческаго бытія—спасенію. Гражданское воспитаніе напротивъ, затѣняя личность, имѣетъ въ виду государство, общежитіе; оно воспитываетъ человѣка не какъ самобытную личность, а какъ единицу и частичку цѣлаго государственнаго организма, то есть приносить нравственную личность въ жертву государству. Такимъ образомъ подрывается основное начало христіанской цивилизаціи, провозгласившей свободу и самоцѣль нравственной личности человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрывается и та основа здоровой общественной жизни, которая обусловливается именно полнымъ нравственнымъ развитіемъ каждой личности, какъ самобытной единицы. Вслѣдствіе этого воспитаніе не достигаетъ своей цѣли. Такъ какъ каждая личность не имѣетъ возможности развить во всей полнотѣ силы своего нравственнаго бытія, то по этому самому нравственное начало понижается во всемъ обществѣ и значеніе личности падаетъ. Вмѣсто самоуваженія и взаимоуваженія, какъ естественныхъ слѣдствій здороваго нравственнаго развитія личности,

выступает беззащитный и дерзкий эгоизмъ, который, не цѣня въ себѣ нравственной личности, не умѣетъ цѣнить ея и въ ближнемъ и ради низкихъ своекорыстныхъ цѣлей готовъ жертвовать не только честью и благосостояніемъ своего ближняго, но и его жизнью. Отсюда естественнымъ слѣдствіемъ является возростаніе преступленій какъ противъ другихъ, такъ и противъ себя. Грабежи, убійства и самоубійства, прогрессивное развитіе которыхъ ужасаетъ друзей современнаго общества, есть только прямой результатъ указаннаго паденія нравственнаго значенія личности въ этомъ обществѣ.

Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ вліяній конечно началось не со вчера и не съ третьяго дня. Оно давно уже разъѣдаетъ западный христіанскій міръ и въ наше время приняло только болѣе открытое и систематическое направленіе. За тооткрытѣе и систематичнѣе сказываются и результаты этого направленія. Язычество выступаетъ въ западномъ обществѣ во всей своей наготѣ. Въ области теоріи начала христіанскаго міросозерцанія уступаютъ мѣсто натурализму и пантеизму и притомъ въ формахъ, которыя составляютъ часто лишь воспроизведеніе древняго языческаго міросозерцанія. Самой популярной доктриной сдѣлался *дарвинизмъ*, сущность котораго заключается въ апотеозѣ эгоизма въ видѣ безпощадной борьбы за существованіе, какъ основнаго закона прогресса и жизни. Въ политикѣ этотъ эгоизмъ, какъ мы сказали уже, въ наше время развился до болѣзненности и держитъ весь міръ въ лихорадочномъ напряженіи, готовомъ перейти въ пароксизмъ столкновеній и кровопролитій. Въ семейной и общественной жизни язычество сказывается въ профанаціи брака и расхищеніи общественнаго достоянія, въ дикомъ пошраніи всѣхъ началъ, на которыхъ зиждется самая эта жизнь. Вся жизнь западнаго міра представляетъ собою борьбу враждебныхъ элементовъ: государство и церковь, личность и общество, трудъ и капиталъ, молодое поколѣніе и старое — все это стоитъ во враждебномъ отношеніи одно къ другому и результатомъ является разложеніе. Современный западный міръ

не даромъ называютъ старымъ міромъ. Его организмъ дѣйстви- тельно похожъ на дряхлое тѣло, въ которомъ разрушительный про- цессъ не находитъ достаточнаго противовѣса въ созидательномъ. Анархія дерзко поднимаетъ въ немъ голову, и революціонный духъ, не смотря на всѣ полицейскія преграды дышетъ своимъ смерто- носнымъ дыханіемъ и то здѣсь, то тамъ съ разрушительною си- лою вырывается наружу. Анархія въ Австріи, бурныя вспышки зараженнаго коммунизмомъ пролетаріата во Франціи, систематиче- ская пропаганда социализма въ Германіи, динамитная разрушитель- ная революція въ Англии, — все это страшныя знаменія времени и все это прямой результатъ ослабленія религіозно-нравственныхъ на- чалъ и возрожденія язычества въ современномъ мірѣ. И замѣча- тельно, что современная революція принимаетъ дикій, совершенно варварскій характеръ. Прежде революціонеры ставили на своемъ знамени великій, хотя и оскверненный преступными руками де- визъ: свобода, равенство и братство. Теперь девизомъ служитъ — *разрушеніе и грабежъ*. Вожаки парижскаго пролетаріата не прикры- ваются уже этими высокими идеями, а прямо распалютъ животныя инстинкты толпы указаніемъ на богатство и собственность другихъ. А ирландскіе динамитчики, которые нагло и въ лицо всему цивилизо- ванному міру смѣются надъ всякими законами гуманности и человѣч- ности?! Въ дикомъ озлобленіи противъ ненавистнаго имъ англій- скаго правительства они не останавливаются даже предъ такимъ вандализмомъ, чтобы взорвать ни въ чемъ неповинное зданіе парламента и историческую башню въ Лондонѣ, — и притомъ взорвать такъ, что при этомъ погибаетъ нѣсколько совершенно неповинныхъ лю- дей. Но что имъ до этихъ хотя бы невинно гибнущихъ жизней, тѣмъ болѣе что при современномъ возрѣніи и самая жизнь есть лишь мечта пустая.. И общество, которое подорвало кредитъ христіанства, не имѣетъ права жаловаться на подобные подвиги. Съ точки зрѣнія неумолимаго закона борьбы за существованіе они совершенно законны, какъ законенъ въ природѣ вещей тотъ фактъ, что волкъ съѣдаетъ ягненка...

Всѣ эти явленія составляютъ естественное и необходимое порожденіе тѣхъ началъ, которыя возрождаются въ современной культурѣ. Тѣмъ не менѣе панегиристы продолжаютъ воспѣвать эту культуру и вытѣсненіе христіанства считаютъ новой эрой человѣчества. Цивилизація, говорятъ, даетъ такое орудіе въ руки человѣка, которое сдѣлаетъ ненужнымъ Промыслъ, такъ какъ вооруженный всѣмъ современнымъ знаніемъ человѣкъ можетъ оградить себя противъ всѣхъ бѣдствій, которыя удручали древнее невѣжественное человѣчество. Увы—нашему именно времени суждено было доказать, какъ жалокъ человѣкъ, облеченный даже во всеоружіе своей культуры! Въ наше именно время съ особенною настойчивостью стали заявлять о себѣ грозныя силы природы. Страшныя землетрясенія, отъ которыхъ задвигались горы и разверзались пропасти, разрушались города и гибли десятки тысячъ народа, доказали всю неспособность человѣка предупредить эти страшныя бѣдствія. А страшная азіатская гостья, которая теперь ужаснымъ призракомъ стоитъ надъ Европой, развѣ она не доказала такой же беспомощности современнаго культурнаго человѣка въ борьбѣ съ этимъ страшнымъ бичемъ человѣчества? Въ недавнее время, какъ извѣстно, Европа едва не отпраздновала свою окончательную побѣду надъ холерной эпидеміей, когда именно „знаменитый“ нѣмецкій докторъ Кохъ открылъ, что въ холерѣ дѣйствующимъ началомъ являются микроскопическія бациллы, въ видѣ запятой. И культурный человѣкъ возликовалъ отъ этого открытія, вообразивъ даже, что теперь уже нѣтъ надобности молиться объ отвращеніи эпидеміи, а лучше заблаговременно запастись карболовой кислотою и хлоромъ. Но вотъ азіатская гостья тѣмъ не менѣе посѣтила Европу и ту именно ея страну, которая доселѣ считалась наиболѣе культурною и здоровою, именно Францію, и притомъ тѣ города, которые пользуются лучшимъ въ Европѣ мѣстоположеніемъ и климатомъ,—Тулонъ и Марсель, находящіеся неподалеку отъ знаменитой Ниццы, этого рая земнаго всѣхъ нетруждающихся и необремененныхъ въ юдоли сей. И что же?—достаточно было по-

звиться эпидеміи, какъ вся самонадѣянность культурнаго челоуѣка уступила мѣсто жалкому отчаянію и малодушію. Все населеніе пораженныхъ городовъ предалось постыдному бѣгству и самъ докторъ Кохъ, прибывшій на мѣсто эпидеміи, долженъ былъ усомниться въ своей теоріи о запятообразныхъ бациллахъ...

Этимъ мы и думали закончить первое чтеніе. Но въ заключеніе не можемъ не сказать еще нѣсколько словъ—въ смыслѣ практическаго приложенія сказаннаго. Если отмѣченныя печальныя явленія въ жизни западнаго міра имѣютъ своимъ слѣдствіемъ несостоятельность формъ западнаго христіанства, выражающихъ его односторонне и несовершенно, то какъ же объяснить то, что почти параллельныя, даже тождественныя явленія имѣли и имѣютъ мѣсто на почвѣ православной Россіи? Дѣйствительно, не нужно особенной прозорливости, чтобы видѣть, что тоже зло разъѣдаетъ и наше общество и взрывъ дикой анархіи въ видѣ нигилизма даже предшествовалъ подобной же анархіи на западѣ. Но это объясняется очень просто. Между нашими недугами и зломъ, разъѣдающимъ организмъ западнаго общества, при внѣшнемъ сходствѣ есть существенное различіе. Тамъ это зло органическое, вытекающее изъ внутреннихъ основъ жизни, — у насъ оно совершенно наносное и привнесено съ тою культурою, которую мы цѣликомъ взяли на западѣ. Какъ ни обидно для нашего самолюбія, но мы должны сознаться, что наша культура не есть наше родное произведеніе и не есть объективное выраженіе нашего народнаго самосознанія. Она перенесена съ запада, а вмѣстѣ съ нею приражены и тѣ недуги, которыми страдаетъ западъ. Въ самомъ дѣлѣ, если взять исторію послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, то что она представляетъ собою, какъ не исторію нашего рабства западной культурѣ, во имя которой мы загубили многія изъ своихъ великихъ начинаній? Минувшее царствованіе представляетъ свѣтлую страницу въ нашей исторіи по его великимъ начинаніямъ и реформамъ, обновившимъ нашу жизнь и выхотившимъ изъ духа нашихъ лучшихъ историческихъ земскихъ преданій. Но увы, мы не имѣли силъ развить и осуще-

ствить эти великія реформы и начинанія изъ нѣдръ собственнаго духа. Мы съ жадностью набросились на готовую культуру, предложенную намъ западомъ, и искусственнымъ дождемъ этой культуры хотѣли ускорить ростъ и развитіе нашего собственнаго народнаго самосознанія. Но извѣстно, къ чему все это привело. Мы пресыщались плодами западной цивилизаціи. Въ упоеніи ею мы помрачили въ себѣ сознаніе нашей вѣроисповѣдной и культурной самобытности, мы забыли свою исторію, свою вѣру и свой народъ, и сдѣлались западниками. Въ туманѣ этого упоенія мы все хотѣли передѣлать на западный ладъ и даже искусственно старались поднимать тѣ же вопросы, которые естественно порождены западной культурой. Такъ въ подражаніе западу мы выдумали свой клерикализмъ, который какъ страшный призракъ стоялъ предъ глазами нашихъ либераловъ и страшное имя котораго въ теченіе двадцати лѣтъ не сходило со страницъ „Вѣстника Европы“—этого передоваго бойца за права новѣйшей европейской культуры; мы отняли у церкви школу и въ подражаніе западу изъ самыхъ учебниковъ стали изгонять такія клерикальныя слова какъ Богъ и ангель и замѣняли ихъ либеральными „быкъ“ и „арбузъ“; мы выдумали рабочій вопросъ и проблему о трудѣ и капиталѣ, хотя наша промышленность не можетъ твердо стать на ноги отъ неимѣнія капитала; мы стали вопіять о гражданскомъ бракѣ и свободѣ развода,— и трудно сказать, до чего бы мы дошли, если бы западная культура не произвела своихъ плодовъ раньше, чѣмъ мы успѣли совершенно надѣтъ на себя ея иго. А плоды ея сказались быстро. Мы все поголовно стали отрицать свое родное, и этотъ ядъ отрицанія въ нашемъ здоровомъ организмѣ сказался въ такомъ конвульсивномъ движеніи, какъ нашъ нигилизмъ. И вотъ царствованіе нашего великаго Царя-Освободителя, закончилось злодѣйствомъ, которое и назвать страшно!.. Это намъ вѣчный урокъ. Онъ показываетъ намъ, что не въ западной культурѣ мы должны искать себѣ спасенія,— не въ той культурѣ, въ которой язычество явно возрождается въ ущербъ христіанству, а должны искать его въ нѣдрахъ нашего собственнаго духа и прису-

щихъ ему исконныхъ началъ. Выразителемъ же этого духа и носителемъ этихъ началъ служить не наша интеллигенція, которая потерпѣла позорное банкротство въ игрѣ цивилизаціей, а нашъ народъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. И вотъ, когда мы, покаявшись во всѣхъ своихъ историческихъ прегрѣшеніяхъ, вновь смиренно сознаемъ себя органической частью этого народа, вновь научимся у него его святой православной вѣрѣ, вновь проникнемся хранящимися въ его душѣ историческими завѣтами и идеалами, — тогда и только тогда придетъ намъ спасеніе.

А. Лопухинъ.

3 марта, 1885 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки